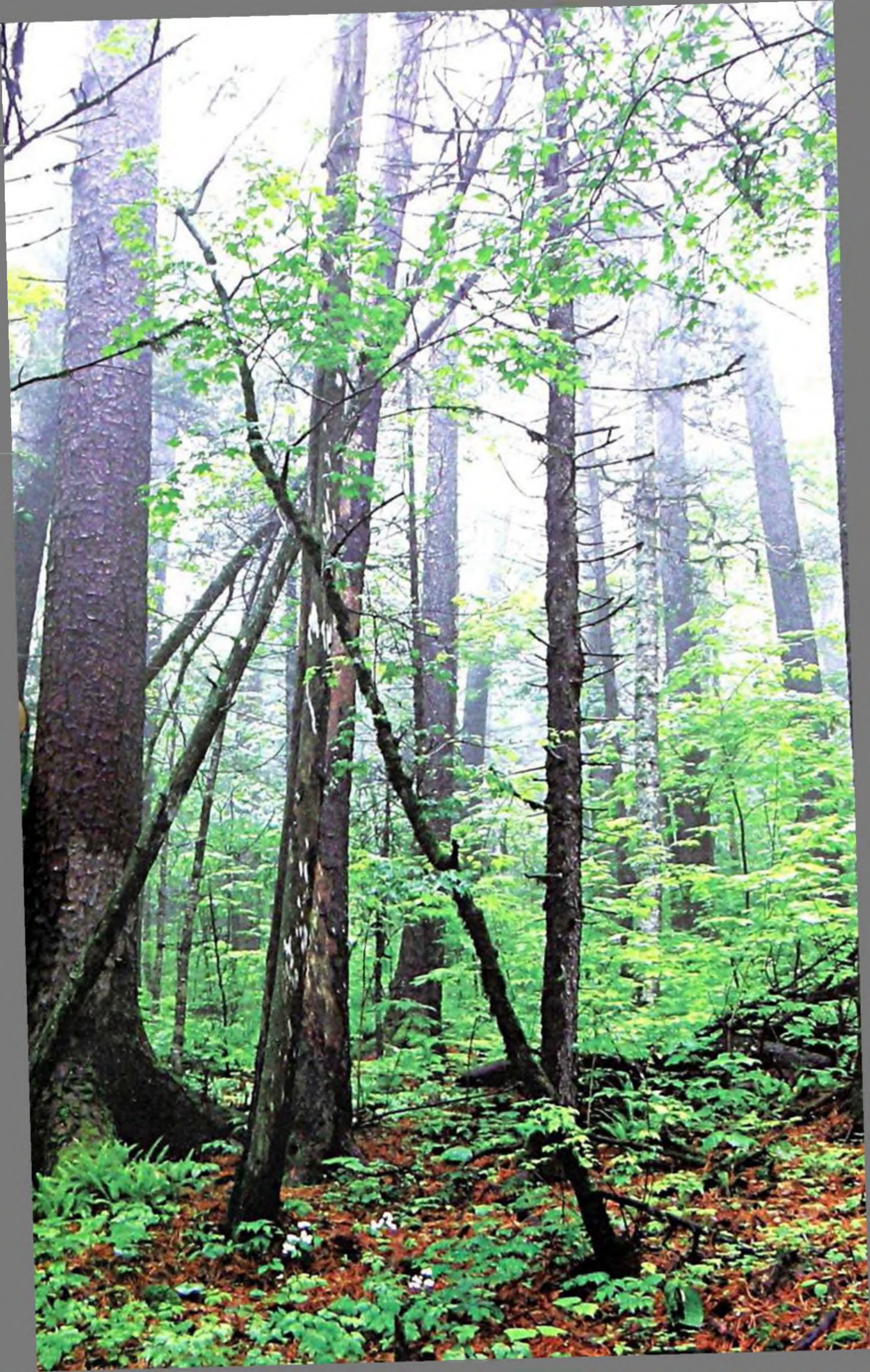

Иван ЕГОРЧЕВ

«ЗАГАДКИ»
ДЕРСУ УЗАЛА

Владивосток - 2014

63.3(255.35)

Е 30

ПРИМОРСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА –
ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА
НАНАЙСКОГО РАЙОНА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Иван ЕГОРЧЕВ

«ЗАГАДКИ» ДЕРСУ УЗАЛА

12.03.76

29.11.184

29.01.18

30.02.199

502.251

Городская
библиотека-музей

Дальневосточный федеральный университет
2014

5302

ЦБС
г. Находка

УДК 910.4
ББК 63.3
Е30

В книге использованы фотографии И.Н. Егорчева, А.Л. Мезенцева,
репродукции картин И.И. Дункай
и фотографии из архива Общества изучения Амурского края

Егорчев, И.Н.

Е30 «Загадки» Дерсу Узала / И.Н. Егорчев ; Приморское краевое отделение Русского географического общества – Общество изучения Амурского края ; Общественная организация народов Севера Нанайского района Хабаровского края ; [иллюстрации И.Н. Егорчева, И.И. Дункай, из архива Общества изучения Амурского края]. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2014. – 180 с. : ил.

ISBN 978-5-7444-3442-7

Книга рассказывает о гольде (нанайце) Дерсу Узала, популярном герое книг В.К. Арсеньева, как реальном человеке и литературном персонаже. Приведены многочисленные документы и воспоминания, касающиеся его личности; различные варианты развития событий, происходивших с ним и вокруг него; рассмотрены литературные версии, научные исследования и надуманные факты. Имеется перечень географических наименований, различных объектов, отдельных товаров, организаций и компаний, названных его именем. В целом книга представляет собой своеобразный многосторонний «портрет» Дерсу Узала, который является обобщённым образом многих проводников разных экспедиций В.К. Арсеньева.

Для широкого круга читателей.

УДК 910.4
ББК 63.3

ISBN 978-5-7444-3442-7

- © Егорчев И.Н., 2014
- © Егорчев И.Н., иллюстрации, 2014
- © Мезенцев А.Л., иллюстрации, 2014
- © Дункай И.И., иллюстрации, 2014
- © Приморское краевое отделение
Русского географического общества –
Общество изучения Амурского края,
иллюстрации, 2014
- © Общественная организация народов Севера
Нанайского района Хабаровского края, 2014
- © Оформление. ФГАОУ ВПО «ДВФУ», 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Всякий, кто читал Арсеньева, надолго, если не навсегда, проникся живым образом «таёжного человека» – Дерсу Узала. В ряду довольно многочисленных персонажей арсеньевских повестей, очерков и рассказов именно он выписан наиболее детально, психологически тонко и любовно, тем самым составляя некий контраст с иными проводниками, казаками, солдатами, офицерами, местными жителями, исследователями и другими людьми, встреченными В.К. Арсеньевым в таёжных экспедициях. Владимиру Клавдиевичу удалось настолько достоверно донести до читателя образ мыслей, поведения, разговорные особенности, всю живописную фигуру гольда-охотника, что трудно сомневаться в реальном существовании этого человека. Вышедшие впоследствии фильмы под названием «Дерсу Узала» 1961-го (режиссёр Агаси Бабаян, в роли Узала – Касым Жакибаев) и 1975 годов (режиссёр Акира Куросава, Дерсу – Максим Мунзук) окончательно утвердили в глазах читателя-зрителя хорошо узнаваемый, почти хрестоматийный образ мудрого, малообразованного с точки зрения европейца, но при этом всезнающего аборигена таёжных дальневосточных мест. К слову, кинематографический облик Дерсу Узала был детально скопирован с фотоснимков, сделанных В.К. Арсеньевым в экспедициях 1906–1907 годов и сохранившихся в архиве Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края во Владивостоке.

А между тем вопросы о том, где и как жил (и жил ли вообще) такой человек, как и где он погиб, как его звали «на самом деле», ставятся до сих пор. Более того, многие профессиональные исследователи и просто дотошные читатели В.К. Арсеньева даже выражают сомнения в том, был ли он гольдом (то есть нанайцем). По крайней мере, в Приморье его со всей убеждённостью считают удэгейцем, относя условную (определим её пока так) фамилию Дерсу к известному роду Уза (хотя, по разъяснениям специалистов, род этот был нанайским). По-прежнему продолжают споры о месте первой встречи В.К. Арсеньева со своим проводником, чему, конечно, способствовал и сам Владимир Клавдиевич, внося элемент вымысла в свои ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ произведения. Именно яркий эмоциональный аспект восприятия замечательной арсеньевской прозы мешает читателю отделить писательский вымысел от реальных событий; впрочем, порой это нелегко сделать и специалисту. Наверное, Владимир Клавдиевич даже не мог предположить, что его повести будут восприняты как документальные отчёты об экспедициях (хотя писались они, о чём будет сказано ниже, именно на основе дневниковых записей).

Разумеется, многие современные авторы умышленно «заинтриговывают» читателя, рассуждая о некоей «тайне» жизни и смерти Дерсу Узала. Более того, некоторые из них попросту занимаются пустыми измышлениями, игнорируя имеющиеся факты и документы, давно известные серьёзным исследователям. Автору этих строк как человеку, занимающемуся изучением жизни и творчества В.К. Арсеньева более 15 лет, многое в отчасти надуманной «проблеме Дерсу» понятно; есть и статьи иных авторов, в разное время досконально разбиравшихся в нагромождении всех фактов и домыслов, касающихся Дерсу реального и, как модно сейчас говорить, «виртуального».

Случайная (или всё-таки нет?) встреча в селе Троицком на Амуре с Любовью Александровной Одзял, председателем правления общественной организации народов Севера Нанайского района Хабаровского края, подтолкнула меня к систематизации всех собранных ранее сведений, к попытке критического разбора отдельных версий и некоему подведению итогов в рассмотрении искусственно созданных «загадок Дерсу». Пора, наконец, внести ясность в этот вопрос и собрать в одном издании все факты, касающиеся этой почти легендарной фигуры. Сразу замечу, что «литературный» образ Дерсу Узала, хорошо знакомый всем нам по произведениям В.К. Арсеньева, заметно отличается от того, который вырисовывается из весьма (к большому сожалению) немногочисленных документальных сведений. В этом нет ничего удивительного или странного, поскольку проводник-гольд, которого звали Дерсу/Дерчу/Оджал/Одзял, был лишь ПРОТОТИПОМ героя повестей Владимира Клавдиевича, известного под «псевдонимом» Дерсу Узала. Именно это главное, что следует постоянно помнить при чтении книг В.К. Арсеньева, отнюдь не отождествляя две эти во многом разные фигуры. Образ гольда-проводника с течением времени стал, если можно так выразиться, «основным мифом» арсеньевской прозы. Отчасти негативную – как это ни странно на первый взгляд – роль сыграли записанные и опубликованные в разное время воспоминания родственников В.К. Арсеньева: первой супруги Анны Константиновны Арсеньевой (Кадашевич), сына Владимира, младшего брата Александра. Попробуем объяснить, почему. Во-первых, мемуары, основой которых является избирательная по сути своей человеческая память, всегда страдают вюльне понятной неполнотой, неточностью и обусловленным этими обстоятельствами понятным желанием «заполнить» пробелы придуманными или где-то заимствованными событиями и фактами. А во-вторых... Известный петербургский поэт Евгений Рейн как-то ска-

зал: «Любые мемуары, воспоминания – это всё отчасти мифы. Некоторые истории входят в разряд «наигранных пластинок», которые повторяются из раза в раз». К сожалению, таких «наигранных пластинок» в истории отношений Арсеньева и Дерсу более чем достаточно; к тому же многие из них повторяются всё в новых и новых публикациях современных авторов, вдруг «открывающих» для себя давно известное.

Отделить реального Дерсу от «виртуального», созданного писательским талантом Арсеньева и нашим воображением, достаточно сложно. Эта книга – попытка справиться с такой задачей, опираясь на то немногое, что сохранили архивы и библиотеки. Как получилось – судить читателям...

Искренне благодарю за деятельную помощь в поиске нужных материалов сотрудников Российской государственной библиотеки (г. Москва), Библиотеки Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток); работников архива и библиотеки Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края (г. Владивосток), Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток), Центральной библиотеки имени А.П. Чехова ВЦБС (г. Владивосток).

Особая благодарность – Марии Николаевне Быстровой, начальнику отдела хранения фондов на материальных носителях Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина (г. Санкт-Петербург) и Любови Александровне Одзял (село Троицкое Нанайского района Хабаровского края).

*Иван ЕГОРЧЕВ,
член Союза журналистов России,
действительный член Русского географического общества –
Общества изучения Амурского края (РГО-ОИАК),
лауреат премии имени В.К. Арсеньева 2005 года,
редактор журнала «Записки ОИАК»,
г. Владивосток*

О НАНАЙЦАХ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ

С любовью, уважением и благодарностью
к В.К. Арсеньеву

Нанайцы – один из пятидесяти коренных малочисленных народов нашей страны, включённых в специальный перечень. Представители этих народов имеют в РФ особый правовой статус, который позволяет им вести традиционный образ жизни, сохранять свой язык и культуру.

Нанайцы – самый крупный народ южной ветви тунгусо-маньчжурской языковой группы Амурского бассейна. Они расселены по обоим берегам Амура, вниз от устья Уссури и до с. Карги, а также по притокам и озёрам системы Амура, главнейшие из которых – Тунгуска с её притоками, озеро Болонь, реки Горин, Хунгари (устье), Анюй, Уссури и её правый приток Бикин. Нанайцы встречаются также за пределами указанной основной территории, например, в местах расселения ульчей и нивхов. Административные границы: Хабаровский край, река Амур; небольшие группы имеются на Сахалине и в Приморском крае, всего ориентировочно в 30 населённых пунктах.

Нанайцы за рубежом живут в Северо-Восточном Китае, населяют правый берег Амура (от устья Сунгари до устья Уссури), левый берег Уссури и его левые притоки: Нор, Доман, Мурэн, отчасти реку Белую. В Китае нанайцы проживают в провинции Хэйлуцзян, в городском округе Цзямусы в городском уезде Тунцзян в сёлах Боаца и Цзецзянькоу, а также в городском округе Шуаньяшань в уезде Жаохэ в селе Сыпай.

По данным переписи 2010 года, численность нанайцев в РФ составляет чуть менее 12 тысяч человек. В КНР их насчитывается более 4 тысяч человек. Учитывая, что по данным Всесоюзной переписи населения 1926–1927 годов нанайцев насчитывалось на советской территории 5757 человек, а по литературным данным 1928 года зарубежных нанайцев – 1500 человек, можно констатировать, что численность нанайского народа возросла за 80 лет более чем в два раза.

В основе современного литературного языка нанайцев лежит найхинский говор среднеамурского наречия. На его основе в 1931 году была создана нанайская письменность на латинской графике. В 1963 году она переведена на русский алфавит.

По поводу самоназвания имеется множество версий. В большинстве научных источников пишется, что «основное самоназвание нанайцев – нанай – «местный человек» (на – «место», «земля», най – «человек»)).»

Однако это далеко не самоназвание, ведь так же себя называют братские народы нанайцев, ульчи и орочи. Слово «нанай» – это универсальный термин, связанный с понятием принадлежности к родной земле, но никак не самоназвание. Также общеизвестен термин «гольды», который вошёл в литературу в середине XIX века как общее название для нанайцев. Данный термин появился с подачи соседнего народа ульчей, которые, по утверждению нанайских информантов, в массе своей также являются нанайцами, угнетёнными и униженными в силу своего низкого происхождения от смешанных браков нанайцев с рабами-китайцами и военнопленными, и вынужденными из-за этого бежать как можно дальше от маньчжурского владычества. Ульчи охотно шли на сотрудничество с русскими исследователями, которые в результате позаимствовали у них термин «гольды».

Точное самоназвание нанайского народа очень древнее: «хэдзэни», которое переводится, как «люди чёрной реки». Данный вопрос подробно раскрыт И. Лопатиным; кроме того, старейшины нанайского народа подтверждают этот факт. Люди, владеющие нанайским языком, вобравшие его от прадедов, знающие правду о своём происхождении, твёрдо называют себя «мы – хэдзэни».

Вместе с тем в 20-е годы прошлого века, когда малочисленные народы Приамурья вступили в фазу бурного роста в своём национальном развитии, самоназвание «нанайцы» было выдвинуто лучшими представителями только что зародившейся национальной интеллигенции и поддержано в народной среде. Сейчас нанайцы впитывают своё новое самоназвание с ранних лет, буквально с молоком матери.

По языку нанайцы относятся, как указывалось, к маньчжурской подгруппе тунгусо-маньчжурской языковой группы. Язык нанайцев включил многое из языков племён, вошедших в состав этого народа, а именно: элементы маньчжурского языка, значительное количество элементов эвенкийского языка и, наконец, ряд элементов более древних языков, отложившихся во всех тунгусо-маньчжурских языках нижнего Приамурья и Приморья.

Основные две группы в лексике – общетунгусская и маньчжурская, незначительный процент составляют китайская и какая-то более древняя лексика. Как и всякий язык народов Советского Союза, нанайский язык имеет значительное количество русских слов. Он объединяет две группы говоров: верховскую (вверх по р. Амуру от с. Найхин) и низовскую (вниз от с. Найхин).

Проблема происхождения современных нанайцев крайне сложна. Наиболее распространена теория их маньчжурского происхождения. Пред-

ставители этой концепции: академик Л. Шренк, И. Лопатин и другие, полагали, что родина нанайцев находилась по соседству с маньчжурами, у подножия хребта Шан-Алиня (Чан-бай-шана), откуда маньчжуры распространились по бассейну Сунгари, а нанайцы спустились в долину Уссури и достигли нижнего Амура. Между тем фактический материал свидетельствует о несравненно более сложной истории образования нанайцев. Другую точку зрения на происхождение нанайцев развивал Л. Штернберг, который считал, что нанайцы «по составу и истории своих родов представляют конгломерат родов самого различного происхождения».

На Нижний Амур в разное время приходили группы тунгусов, тюрков, монголов, маньчжуров, которые, смешиваясь с автохтонным населением, формировались в различные этнические общности. Одной из них и являются современные нанайцы. Несомненно, например, что нанайские роды Киле, Самар, Дигор, Гайер, Хайтанин имеют эвенкийское (тунгусское) происхождение. В составе рода Бельды имеются айнские подразделения, члены которых, как и айны, именуют себя куями, а своим исконным местообитанием считают острова, откуда они и переселились на материк. В состав других нанайских родов вошли китайцы, маньчжуры, солоны и многие другие народы.

Хозяйство и быт нанайцев

Первостепенное значение в жизни нанайцев имело рыболовство. В их хозяйственном календаре целых пять месяцев наименованы по названиям рыб, что свидетельствует о важности рыбного промысла. Характерная черта нанайского рыболовства – высокая специализация орудий промысла. Широко использовались крючковые снасти-перемёты, различные типы острог и сетей. Из ловушечных орудий наибольшее распространение имела ловушка типа вентера. Запорное рыболовство представлено заездками нескольких типов.

Важную роль в жизни нанайцев играла охота. В многочисленных фольклорных произведениях герои занимаются в основном именно ей. Охотничий промысел также нашёл свое отражение в хозяйственном календаре нанайцев; о важности этой отрасли свидетельствует и весьма развитая охотничья терминология. Охотились нанайцы как на пушных зверей, так и ради мяса. Копытных добывали с помощью ловчих ям и засек, самострелами, медведей – петлями из толстой лосиной шкуры, а также копьем «гида».

Поселения нанайцев были двух типов: постоянные и сезонные. Определяющим при размещении построек был свободный выход к реке или

озеру. Наиболее древней формой жилищ были землянка «серома» и полуземлянка «хурбу». Землянка располагалась в откосе берега, в обрывах террас. Из наземных построек наиболее распространенным был однокамерный дом «хагдун». Стены его изготавливали из плетёных камышовых фашин, жердей, тальника, которые затем обмазывались глиной, перемешанной с травой или шерстью. Главной конструкцией дома, которая определяла его размеры, являлась отопительная система «накан» (отопительная лежанка). Наканы были основным местом обитания человека: здесь он спал, принимал пищу, работал.

Важнейшую роль в питании нанайцев играла рыба. Во время массового хода кеты её заготавливали в больших количествах. Разделанную рыбу вялили, получая разнообразные виды юколы, зимой рыбу замораживали. Аналогичным способом консервировали продукцию охотничьего промысла. Мясная пища имела более широкое распространение на притоках Амура. Самым любимым блюдом была и есть тала из свежей сырой рыбы, мелко порезанная с добавлением соли, черемши, дикого лука.

Утверждается, что религиозные верования нанайцев основывались на анимизме. Небо, земля, вода, тайга населялись в их воображении всевозможными духами, влиявшими на жизнь и судьбы людей. Для облегчения сношений с духами нанайцы делали их изображения в виде зооморфных и антропоморфных фигур, игравших главную роль в религиозных обрядах. Важное место в традиционном мировоззрении занимали промысловые культы: тигра, медведя, а также погребальные и поминальные культы и вера в бессмертную душу. Посредником между миром духов и людьми служил шаман. Основными его функциями были лечение больных, предсказание будущего и доставка душ умерших в буни (мир мёртвых). Вместе с тем система верований нанайцев, несомненно, более сложная, чем представляется на первый взгляд. Вера в Бога (по-нанайски Эндури), в бессмертную душу, реинкарнацию, Вселенское древо, Мировое древо, девять небесных сфер, мир духов, мир людей, божества Гор, Земли, Огня, Водной стихии – всё это требует отдельного исследования и серьёзного подхода.

Декоративное искусство нанайцев по цветовой гамме и орнаменту несёт на себе отпечаток необычайно яркой природы Нижнего Амура. Нанайские мастерицы умело использовали различные приёмы обработки рыбьей кожи, бересты, меха, других материалов. Существовало три основных способа нанесения орнамента: тиснение, резьба и аппликация. Орнаментика нанайских изделий представлена четырьмя типами: зоомор-

фным, растительным, облаковидным и геометрическим. Широкое распространение получила резьба по дереву. Резьбой покрывались окна и двери домов, выступающие концы фронтовых досок, деревянная утварь.

Предки нанайцев оставили богатое фольклорное наследие, в котором аккумулировались их древние верования, нормы морали, принципы народной педагогики, историческая память. Основные фольклорные жанры: тэлунгу (мифы, мифологические рассказы, предания, легенды), нингман (сказки-мифы и собственно сказки), сioxор (заимствованные сказки), а также шаманские песнопения, песни, плачи, загадки, скороговорки.

В советский период развитие культуры нанайцев происходило на профессиональной основе. Сформировался большой отряд национальной интеллигенции, появились литература, театр, музыка. Широкую известность получили Герой Российской Федерации, снайпер, участник Великой Отечественной войны Максим Александрович Пассар, Герой Советского Союза Александр Падалиевич Пассар, нанайские писатели и поэты Григорий Ходжер, Андрей Пассар, Аким Самар, певец Кола Бельды, учёные Николай Киле, Сулунгу Оненко, общественный деятель Евдокия Гаер и другие.

Самый известный из нанайцев – это, безусловно, Дерсу Узала: охотник, проводник российского учёного, путешественника и писателя Владимира Арсеньева в его экспедициях.

Исторические связи с маньчжурами и Китаем

Говорить о тесной связи маньчжуров, Китая и нанайцев не принято – это болезненная тема для российского государства. Если обратиться к историческим датам, то выяснится, что русские обитают здесь какие-то 150 лет. Почему? Ведь намного более дальние территории, Чукотка и Камчатка, находятся в составе России уже свыше 400 лет.

Во многих российских научных источниках тонко проводится аксиома, что маньчжуры и нанайцы – это народы, связанные только географически, периодически пересекающиеся в разные исторические периоды. Также нам всем внедряются ложные сведения, во многом унижительные для любой национальности. К примеру, что нанайцы – это дикий первобытный народ, благодетельствованный русскими людьми, спасшими его от вымирания. В результате мы имеем разделение народов на людей высшего и низшего сорта по национальному признаку, незаслуженные оскорбления, обиды и некультурное, даже хамское поведение в отношении малочисленных народов Приамурья. Бытовой национализм, дух превосходства,

идуший от не слишком большого ума и отсутствия знания истории своей страны и Дальнего Востока, отсутствия уважения и воспитания, к сожалению, являются реальностью и серьёзными проблемами не только для нанайцев, но и для остальных этносов.

Вместе с тем нанайцам, имеющим славное историческое прошлое и генетическую связь с родной землёй, бережно сохраняющим свои традиции и память о предках, есть чем гордиться.

Имеется множество исторических, культурных и археологических свидетельств, доказывающих нашу общность с маньчжурами. В неолитическую эпоху на Нижнем Амуре была распространена культура, резко отличавшаяся от культуры Прибайкалья и северо-восточной Сибири. Для амурского неолита характерны подземные жилища, отражающие оседлый образ жизни неолитических обитателей берегов Амура, плоскодонная керамика со спиральным орнаментом, резко отличная от круглодонной керамики с прямолинейно-геометрическим орнаментом неолита Сибири. Керамика Амура тяготеет к неолитическим культурам Маньчжурии и Северного Китая. Это доказывает также и самый широко распространённый тип одежды – лево-польный халат, зимнее жилище типа фанзы с отапливаемыми нарами – канами, схожесть в утвари, украшениях, некоторых мотивах орнамента и т. д.

В районе Хабаровска и намного ниже его по течению Амура обнаружено много поселений, состоявших из жилищ с канами (отоплением маньчжурского типа). Исторические известия приписывают такие селения чжурчженям или нойчжам – предкам маньчжуров.

Сами нанайцы твёрдо убеждены, что имеют с маньчжурами давние исторические кровные связи. Нанайцы являются потомками чжурчженей. Чжурчжени делились на северных, живущих на берегах Нижнего Амура, прямых предков нанайцев, и южных, более цивилизованных и воинственных, чем их дикие таёжные собратья. Нанайские предания и археологические находки, в том числе чжурчженские городища на Амуре, говорят о том, что во времена Золотой империи Цзинь мы были частью единого государства, затем вместе боролись с захватчиками-монголами и даже победили, пусть и с большими потерями.

Благодаря помощи своих братьев с реки Амур чжурчжени стали снова набирать силу, из них выдвинулось самое многочисленное и жестокое племя маньде, которое захватило власть над всеми чжурчженскими племенами. Чжурчженей стали называть маньчжурами. Под руководством легендарного Нурхаци маньчжуры захватили власть в Китае в XVII веке. Маньчжурская династия Цин повелевала Китаем вплоть до 1912 года.

В некоторых нанайских легендах повествуется, что Нурхаци был нанайцем и обладал сильным шаманским даром.

Появление русских в середине XVII века было сопряжено с многочисленными кровавыми случаями избиения мирного населения в духе испанских конкистадоров и долгое время оставалось безнаказанным только потому, что маньчжуры были заняты завоеванием Китая. После завоевания Китая, ряда сражений и последующего поражения русских казаков, заключения Нерчинского договора, Россия не имела никаких прав на Приамурье на полтора века.

В это время Амур обезлюдел, так как маньчжуры, усмирив Китай, нуждались в воинах. В результате маньчжурские отряды нападали на нанайские поселения и уводили в Китай всех взрослых мужчин. Братский народ, прекрасные охотники и следопыты, мужественные и выносливые, нанайцы идеально отвечали их требованиям. Однако нанайцам было невыносимо расставаться с родиной, семьями, и многие бежали из Китая обратно на Амур, который к тому времени был заселен тунгусами, впоследствии ассимилировавшимися среди нанайцев. Маньчжуры из братского народа для нанайцев стали такими же жестокими завоевателями и угнетателями, как и для китайцев. Вместе с тем, напротив, нанайцы для маньчжуров оставались братским народом, о котором нужно было заботиться и опекать. На Амур отправлялись китайские каторжники в качестве рабов (нанайское слово «никан» означает «китаец» и оно же – «раб»), товары в обмен на пушнину, маньчжурские чиновники регулярно приезжали в нанайские сёла. Таким образом, на Амуре нанайцы всегда были в более привилегированном положении, чем другие народы, в силу своей близости с маньчжурами.

На территории расселения нанайцев существовали постоянные сторожевые посты и места пребывания маньчжурских чиновников. Таковы, например, посты Джангджу, Гайди, Хехцир, Джоада, Шайь'ен и Мыльки. Всё взрослое мужское население (от 15 лет и старше) обязано было платить ежегодно дань в размере одной собольей шкуры с человека. Для взимания подати существовала особая система. Территория, занятая нанайцами, делилась в административном отношении на округа.

В округе во главе каждого рода стоял назначенный из среды нанайцев маньчжуро-китайскими властями в Саньсине родовой старшина (халада), которому подчинялись сельский старшина (гасянда) и сельский исполнитель (седихиэн). Основной обязанностью этих лиц был сбор ясака для передачи его маньчжурским чиновникам, а также учёт умерших и новорожденных в своём роде. Нанайские старшины представляли собой приви-

легированную категорию нанайского общества. Маньчжуры наделяли эту группу лиц не только званиями маньчжурской чиновной иерархии (халада, гасянда и т. д.), но и соответствующими служебному званию знаками отличия. Все эти лица получали специальную грамоту на маньчжурском языке, определявшую их права и обязанности. Основной привилегией этой части нанайского общества было закрепление за нею маньчжурскими властями в пожизненное и наследственное пользование охотничье-промысловых угодий, т. е. основных средств производства.

Центрами китайско-нанайской торговли в период маньчжурского владычества были Саньсин на Сунгари и Дэрэн в нижнем течении Амура. Довольно оживлёнными торговыми пунктами были сёла Дондон (на территории нанайцев) и Пули (на территории ульчей). В обмен на продукцию нанайцев с китайского рынка поступали продукты сельского хозяйства (пшено, ячмень, бобы и пр.), табак, водка, различные китайские ткани (бумажные, шерстяные, шёлковые, бархатные), шёлковые халаты, затканые золотом и серебром, китайские шубы, различные украшения и хозяйственные принадлежности. Обмен производился непосредственно в Саньсине и Дэрэне или на местах при помощи китайских и нанайских торговых посредников. Исторические известия XVII и XVIII веков указывают на торговые связи нанайцев с народностями нижнего течения Амура и с Японией. Торговля с японцами происходила главным образом в Сирануси, на юго-западном побережье Сахалина. В середине XIX века она прервалась.

Оценочной единицей был китайский лан. Среди китайских товаров очень важное значение получили расшитые халаты, куски шёлкового материала и многие другие предметы, вся совокупность которых обозначалась термином «джака».

Помимо китайских купцов, среди нанайцев селились китайцы-хлебопашцы и огородники, занимавшиеся в небольших размерах животноводством и мелкими ремёслами. Значительное китайское земледельческое население было среди сунгарийских и уссурийских нанайцев, а на нижнем Амуре встречались лишь хозяйства одиноких, бессемейных китайцев-огородников.

Когда Китай ослаб в результате опиумных войн, маньчжурская правящая династия была вынуждена уступить Амур России. Русское владычество практически не повлияло на быт и устои нанайцев. Политика невмешательства русских властей в дела аборигенов вызывает ряд вопросов. Мягкая христианизация на сугубо добровольной основе, отсутствие притеснений и геноцида – разве это не удивительно? Китайцы и маньчжуры вплоть до

установления советской власти чувствовали себя на Амуре как дома. Нанайцы свободно отправляли экспедиции в г. Саньсин, где проводились ритуалы признания там нанайцами маньчжурской власти даже спустя 60 (!) лет после присоединения Амура к России. Можно сослаться на безразличие и слабость российских органов власти, отдалённость этих земель от центра страны, а можно увидеть чёткий маньчжурский след. Быть может, судьба нанайского народа неофициально обговаривалась отдельным пунктом и была одним из условий передачи амурских земель от маньчжуров России? Или же был учтён горький опыт Нерчинского договора?

Маньчжурский вопрос является политически сложным не только для России, но и для Китая. С 1952 года маньчжуры считаются одним из 56 официально признанных национальных меньшинств Китая. В 1980-х годах численность маньчжуров составляла всего 4 миллиона человек. Согласно переписи населения от 1953 года, ставшей для маньчжуров первой после объявления себя официальной народностью КНР, их число едва достигало 2.5 миллионов человек. В наше время более 10.5 миллионов жителей Китая относят себя к маньчурам.

Такое резкое увеличение численности маньчжуров объясняется политикой Китая, направленной на поддержку национальных меньшинств: например, маньчжуры освобождены от запрета иметь более одного ребенка в семье, а также для них упрощён доступ к получению высшего образования.

Несмотря на то, что наиболее влиятельные общины маньчжуров имеются в крупных городах, таких как Пекин и Шанхай, а также в провинции Синьцзян, большинство их (около 7.5 миллионов) проживают на территории Маньчжурии. Этническая группа маньчжуров успешно интегрирована в современное китайское общество. Частично благодаря своему привилегированному положению в имперском прошлом Китая, в наши дни маньчжуры являются неотъемлемой частью китайского общества.

Маньчжурская письменность была основана на монгольском алфавите и стала использоваться в конце XVI века. Теперь же маньчжуры пользуются китайской письменностью и язык свой в основном забыли. Среди десяти миллионов человек сейчас немногим более ста могут говорить по-маньчжурски и мало кто помнит письменную грамоту.

Сейчас маньчжуры проживают по всему Китаю, но наиболее компактно и многочисленно они живут в провинциях Хэйлунцзян и Ляонин на северо-востоке страны. В Пекине их тоже проживает достаточно много, но большинство маньчжур уже ассимилировалось, считают себя по духу и культуре китайцами.

Исторические связи с эвенками, тунгусами

В настоящее время, за исключением нивхов, коренное население Нижнего Приамурья говорит, как известно, на языках тунгусо-маньчжурской группы. Уже это одно указывает на тесные исторические связи указанных народностей с эвенками Сибири. В составе нанайцев, ульчей и других тунгусо-маньчжурских народностей Нижнего Приамурья прослеживается целый ряд родов эвенкийского происхождения. В культуре народов Амура имеются также особенности, свойственные более северной таёжной культуре эвенков. Таковы эвенкийского типа большие лыжи, подклеенные камусом, конический чум, лодка-берестянка, очень характерная для эвенков форма колыбели, такая своеобразная деталь одежды, как нагрудник, и некоторые другие элементы.

Взаимодействие с русским народом

В 40-х годах XVII века на Амур проникают первые отряды русских казаков. Первые известия об Амуре русские получили ещё в 1630-х годах от эвенков и юкагиров. В 1643 году на Амур спускается по Зее «письменный голова» Василий Поярков в сопровождении 130 человек казаков и промышленных людей. К 1649 году относится первый поход на Амур Ерофея Хабарова.

В 1858–1860 годах, когда по Айгунскому и Пекинскому договорам весь левый берег Амура и Уссурийский край отошли к России, началась массовая русская колонизация. Низовья Амура и Сахалин заселялись в административном порядке казаками, вольными колонистами и ссыльными; позже здесь развилась капиталистическая рыбопромышленность. Оттеснение населения с лучших рыболовных угодий и торговая эксплуатация привели нанайцев к обнищанию. Особенно угрожающие размеры приняла эксплуатация этого населения в 90-х годах XIX века, на что вынуждена была обратить внимание даже местная администрация.

С другой стороны, с возвращением русских на Амур здесь появились почтовые станции, пароходы, телеграф, началось строительство гаваней и городов. На территории расселения нанайцев был основан в 1858 году пост Хабаровка, ныне город Хабаровск – центр Хабаровского края. Получили широкое распространение огнестрельное оружие, порох, свинец и пр. Русское население принесло с собой элементы новой культуры, более высокую технику и ремёсла. От него нанайцы получали топоры, пилы и напильники, дровни, научились строить более тёплые бревенчатые избы

со стёклами в окнах, с потолком и полом. Старые жировые лампы заменялись керосиновыми, появилась русская мебель, русская обувь и головные платки, русские фабричные ткани, посуда, ложки и ножи. Под влиянием русского народа произошли изменения и в пищевом режиме нанайцев. Они стали потреблять печёный хлеб, картофель, масло, крупы, молоко, сахар. В художественной вышивке нанайцев появилась техника вышивания крестом и мотивы, близкие к русскому народному орнаменту. Все эти новые элементы культуры были, однако, распространены до революции незначительно, главным образом у населения Амурской магистрали.

Царское правительство ввело институт сельских старост, которые подчинялись окружным начальникам (исправникам). Но и после перехода в подданство России нанайцы сохраняли свои старые связи с маньчжурами и китайцами. Они сбывали часть охотничье-рыболовецкой продукции китайским купцам, которые снабжали их необходимыми товарами и держали в торговой кабале.

В советский период на Амур приехало множество энтузиастов, помогавших местному населению поднимать экономику, быт и культуру. Эти люди, не боясь климатических сложностей, гнуса, отсутствия элементарных удобств, посвятили себя и всю свою жизнь развитию нанайского народа и национальных сёл, обучению и подготовке национальных кадров, созданию письменности. Они полюбили Амур, его скромных неприхотливых обитателей, отличавшихся кристальной честностью и миролюбием. Пользуясь случаем, хочется назвать фамилии этих замечательных людей: А.П. Окладников, В.А. Аврорин, К.П. Белобородова, А.П. Путинцева, супруги М.А. и С.К. Щука, К.П. Худанова, А.В. Смоляк, Ю.А. Сем, А.Я. Чадаева и многие другие, приложившие громадные усилия для того, чтобы нанайский народ стал полноценной частью России. Их жизнь – это подвиг, их вклад в судьбу нанайского народа трудно переоценить.

Роль коммунистической партии, советской власти в становлении нанайского народа чрезвычайно велика. Именно в этот период была создана вся ныне действующая социальная инфраструктура, построено жильё, дороги, произошло формирование национальной интеллигенции.

В постсоветский период нанайский народ остро испытывал негативные последствия от шоковой терапии 90-х годов. Наблюдались такие явления, как резкий рост смертности, алкоголизма, венерических заболеваний, туберкулёза, наркомании, снижение рождаемости, массовая безработица, суициды. В последнее время, благодаря формированию нормативной базы по закреплению прав коренных малочисленных народов на

ведение традиционного образа жизни, усилению вниманию к проблемам и нуждам аборигенного населения со стороны федеральных и региональных органов власти, социальное и экономическое положение нанайского народа стабилизировалось.

О происхождении нанайских родов

Проблема происхождения нанайцев неразрывно связана с вопросами происхождения всех других амурских народов, в том числе и нивхов. По отношению к нанайцам можно привести следующие факты, связанные с их историей и указывающие на наличие в их составе как потомков древнего аборигенного населения, так и различных тунгусских и маньчжурских групп и даже китайцев (и, может быть, монголов).

Среди нанайских родов выделяется группа (например, роды Гаил, Заксор, Гэйкар, несколько подразделений рода Бельды и др.), считающая себя аборигенной. Эта часть нанайцев, по фольклорным данным, всегда занималась рыболовством и охотой, держала ездовых собак. Группа нанайских родов – Донкан, Юкэминкэн, Удынкэн, Самагир и др. – называет себя «киле». Л. Штернберг считал «киле» кочевыми тунгусскими родами, осевшими среди нанайцев. По данным нанайских исторических преданий, «киле» среди нанайцев представляют собой ряд родов, включающих в основном потомков биджанских, курурмийских и амгуньских эвенков, в прошлом оленеводов. Самагир (Самар) – род эвенкийского происхождения, позднее других влившийся в состав нанайцев. Тунгусское происхождение «киле» подтверждается вышеприведенными данными о самоназвании, а также языковыми и фольклорными материалами. Язык «киле» (особый диалект нанайского языка) по своим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям может быть сближен с эвенкийским. Преобладание у «киле» охоты над рыболовством также роднит их с эвенками.

Среди нанайцев имеются группы, ведущие своё происхождение от китайцев; в составе нанайцев Хэдзэр подразделение Сандукан ведет своё происхождение от одного из шаньдуньских китайцев. Нанайцы рода Наймука ведут свое происхождение от китайца-раба и т. д. Среди многочисленных подразделений нанайцев Бельды имелось подразделение Морнал, которое вело своё происхождение от монголов.

Коренным местообитанием нанайских родов Одзял и Пассар предания указывают реку Сунгари (по соседству с маньчжурами), где они, помимо охоты, занимались земледелием, огородничеством и разводили лошадей.

Род Одзял – это славный княжеский род, прославленный в нанайских преданиях самоотверженной борьбой с монголами. Род Одзял также известен благодаря своему представителю Дерсу Узала (или Дэрчу Одзял), проводнику В.К. Арсеньева.

На 2012 год в Хабаровском крае проживало всего 111 человек с фамилией Одзял: Нанайский район – 46, в том числе Нерген – 9, Дада – 4, Джари – 8, Найхин – 14, Синда – 1, Троицкое – 10; Амурский район – 38: Ачан – 23, Болонь – 1, Вознесенское – 3, Джуен – 11; Ульчский район – 14: Булава – 5, Богородское – 6, Дуди – 3; Хабаровский район – 13 (Сикачи-Алян); город Хабаровск – 3.

Таким образом, в настоящее время представителей рода Одзял осталось чуть более ста человек, причём большая часть (свыше 70 %) проживает на территории Амурского и Нанайского районов. Среди этих семидесяти процентов есть члены моей семьи и я, Одзял Любовь Александровна, председатель правления общественной организации народов Севера Нанайского района.

Источники:

1. <http://www.nsu.ru/ip/nanay.php>
2. <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/nanai.shtml>
3. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B9%D1%86%D1%8B>
4. <http://lib7.com/narody-sibiri/1705-nanajtsy-obschie-svedenija.html>
5. <http://russian.cri.cn/307/2008/01/31/1@216050.htm>